

**Моей матери, Судхе Латике Джоши,
защищавшей мою самостоятельность**

**Моему отцу, Рамешу Чандре Джоши,
который пел мне самую дивную колыбельную**

*Путник должен стучать в каждую чужую дверь,
дабы найти свою, должен странствовать по всем мирам,
чтобы в конце концов достигнуть сокровеннейшего алтаря.*

**Рабиндранат Тагор «Гитанджали»
(«Жертвенные песнопения»)¹**

*Когда богиня благополучия приходит тебя благословить,
не следует выходить из комнаты, чтобы умыть лицо.*

Индийская пословица

¹ Перевод Н. А. Пушешникова.

ПЕРСОНАЖИ, которые встречаются на страницах книги

Лакшми Шастри: 30-летняя мастерица мехенди, живет в Джайпуре.

Радха: 13-летняя сестра Лакшми, родилась уже после того, как Лакшми сбежала из деревни.

Малик: слуга Лакшми, мальчик лет 7—8 (сам не знает точно), живет в людном Внутреннем городе с родственницами-мусульманками — тетушкой и кузинами.

Парвати Сингх: 35-летняя матрона из высшего света, жена Самира Сингха, мать Рави и Говинда Сингхов, дальняя родственница королевской семьи Джайпура.

Самир Сингх: знаменитый архитектор из семейства, принадлежащего к высокой касте раджпутов, муж Парвати Сингх, отец Рави и Говинда Сингхов.

Рави Сингх: 17-летний сын Парвати и Самира Сингхов, учится в частной школе-пансионе для мальчиков Мейо-Колледж (в нескольких часах езды от Джайпура).

Лала: старая дева, много лет служит Сингхам.

Шила Шарма: 15-летняя дочь мистера и миссис В. М. Шарма, состоятельной четы брахманов незнатного рода.

Мистер В. М. Шарма: официальный застройщик королевской семьи Джайпура, муж миссис Шармы, отец четверых детей (младшая дочь — Шила Шарма).

Джей Кумар: холостяк, приятель Самира Сингха по Оксфорду, работает врачом в Шимле (у подножия Гималаев, в 11 часах езды от Джайпура).

Миссис Айенгар: квартирная хозяйка Лакшми в Джайпуре.

Мистер Панди: сосед Лакшми, жилец миссис Айенгар, дает уроки музыки Шиле Шарме.

Хари Шастри: бывший муж Лакшми.

Саас: в переводе с хинди — «свекровь». Когда Лакшми говорит «моя саас», она имеет в виду мать Хари. «Саасуджи» — уважительное обращение к свекрови.

Миссис Джойс Харрис: молодая англичанка, жена британского офицера, который служит в Джайпуре в составе группы по передаче дел периода британского господства.

Миссис Джереми Харрис: свекровь Джойс Харрис.

Питаджи: отец (*хинди*)

Маа: мать (*хинди*)

Манчи: деревенский старик, который научил Лакшми рисовать, а Радху — смешивать краски.

Канта Агарвал: 26-летняя жена Ману Агарвала, училась в Англии, родом из образованной калькуттской семьи.

Ману Агарвал: руководитель хозяйственной службы дворца королевской семьи Джайпура, муж Канта, учился в Англии, родственник семейства Шарма.

Баджу: старик-слуга Ману и Канта Агарвалов.

Махараджа Джайпура: номинальный правитель Джайпура в период после обретения независимости, высший представитель королевской семьи в городе, владелец несметных земельных и денежных богатств, а также множества дворцов.

Нарайя: строитель нового дома Лакшми в Джайпуре.

Махарани Индира: бездетная мачеха махараджи, супруга покойного махараджи Джайпура (она же «вдовствующая королева»).

Махарани Латика: жена теперешнего махараджи, 31 год, училась в Швейцарии.

Мадхо Сингх: попугай махарани Индиры.

Гита: вдова, любовница Самира Сингха.

Миссис Патель: постоянная клиентка Лакшми, хозяйка гостиницы.

Словарь терминов на французском, английском и хинди см. в конце книги.

ПРОЛОГ

*Аджар, штат Уттар-Прадеш, Индия
Сентябрь 1955 года*

Она неслышно ступает по берегу реки, огрубевшие подошвы не чувствуют ни мелких камешков, ни запекшейся грязи. На голове она держит *мутки*, глиняный кувшин, в котором каждый день носит воду из колодца. Но сегодня в кувшине не вода, а все ее пожитки: вторая юбка, рубашка, подвенечное сари матери, «Сказки про Кришну», которые читал ей отец — страницы от времени стали мягче шелка, — и письмо, что утром пришло из Джайпура.

Заслышав вдали женские голоса, она в нерешительности замедляет шаг. Деревенские сплетницы стирают сари, рубахи, юбки, *дхоти*, болтают, рассказывают небылицы, смеются. Но как только заметят ее, тут же оставят работу, вытаращатся, а то и сплунут — господи, спаси нас от проклятья! Она вспоминает о письме, которое лежит в *мутки*, и думает: ну и пусть, всё равно это последний раз.

Вчера эти женщины донимали деревенского старосту: почему девчонка-проклятье все еще живет в учительском доме, там должен жить новый учитель. Она сидела в глинобитных стенах и боялась пикнуть — не ровен час, зайдут и за волосы вытащат ее на улицу. Ведь теперь ее некому защитить. Труп ее матери на прошлой неделе сожгли вместе с падалью — погребальный костер бедняков.

Отец, бывший школьный учитель, ушел от них полгода назад и вскоре утонул в луже на берегу реки: он был так пьян, что, наверное, даже не почувствовал жала смерти¹.

Всю прошлую неделю девочка караулила на окраине деревни почтальона, который время от времени приезжал к ним на велосипеде из соседней деревни. Сегодня утром, едва завидев его, она выскочила из укрытия, перепугав почтальона, и спросила, нет ли писем. Он нахмурился, закусил губу и уставился на нее слезящимися глазами сквозь толстые стекла очков. Она видела, что ему и жаль ее, и досадно: ведь всю почту обычно получает староста. Но она не отвела взгляд. В конце концов он торопливо сунул ей желтоватый пухлый конверт, адресованный ее родителям, и укатил прочь.

Сейчас она выпрямилась, расправила плечи и прошла мимо женщин у реки. Они глазели на нее. Она чувствовала, как трепещет сердце, но шагала прямая, как тростинка, с *мутки* на голове, словно направлялась к крестьянскому колодцу в двух милях от деревни — единственному, из которого ей дозволялось брать воду.

Сплетницы уже не шепчутся, а перекрикиваются:

— Вот идет девчонка-проклятье! В год, когда она родилась, саранча погубила пшеницу! Ее старшая сестра сбежала от мужа, и больше ее не видели! Бесстыжая! В тот же год ее мать ослепла! А отец пристрастился к бутылке! Позор! Она даже выглядит подозрительно. Голубые глаза бывают только у ангрежи-валли. Может, она вообще не отсюда? Не из нашей деревни?

Девочка часто думала о старшей сестре, о которой болтают женщины. Той самой, чье лицо мерещится ей тенью во сне, о чьем существовании ее родители предпочли позабыть. Сплетницы утверждают, что она покинула

¹ Ср. 1 Кор. 15:55: «Смерть! где твое жало?» — *Здесь и далее примеч. перев.*

деревню тринадцать лет назад. Почему? Куда она пошла? Как ей удалось сбежать оттуда, где следят за каждым твоим шагом? Быть может, она улизнула ночью, когда спят даже козы и коровы? Говорят, она украла чьи-то деньги, но ни у кого в деревне денег нет. Чем же она кормилась? Еще говорят, она переделалась в мужское платье, чтобы по пути не задержали. Другие уверяют, что она сбежала с цирковым мальчишкой и стала танцовщицей в увеселительном квартале Агры.

Три дня назад колченогий старик по имени Манчи, единственный ее друг, предупредил, что если она не уйдет из дома, староста выдаст ее за вдовца или выгонит из деревни.

— Нечего тебе здесь делать, — сказал Манчи-джи.

Но куда пойдет она, тринадцатилетняя сирота без денег и родных?

— Ничего не бойся, *бети*, — добавил Манчи-джи и посоветовал отыскать зятя, мужа старшей сестры, от которого та сбежала: он живет в соседней деревне. Возможно, он поможет ей найти сестру.

— Но почему мне нельзя остаться с тобой? — спросила она старика.

— Негоже это, — мягко ответил он.

Старик зарабатывал тем, что разрисовывал на продажу сухие листья дерева бодхи. И сейчас в утешение протянул ей такую картинку. От злости она едва не швырнула подарок ему в лицо, но увидела, что на рисунке бог Кришна кормит манго свою супругу, Радху, в честь которой ее назвали. Прекраснее подарка она в жизни не получала.

Возле гумна Радха замедляет шаги. Четыре вола бредут под ярмом вокруг большого плоского камня, мелют пшеницу. Прем, который должен смотреть за волами, дремлет, привалившись к стене хижины. Она неслышно юркает мимо него к узкой тропинке, что ведет к храму Ганеши-джи. Там в высоком святилище стоит статуя Га-

неши. К ногам слоновьего бога возложены дары: неспелый кокос, бархатцы, горшочек масла ги, дольки манго. Над сандаловыми благовониями вьется ленивый дымок.

Девочка кладет Кришну, нарисованного Манчи-джи, перед Ганешей-джи, устраняющим препятствия, и молит его рассеять недобрую славу девчонки-проклятья.

До деревни, где живет зять, она добирается к вечеру: солнце клонится к горизонту. Девочка прошагала десять миль и обливается потом, ноги по щиколотку в пыли, во рту пересохло.

Она с опаской входит в деревню. Прячется за деревьями и кустами. Она знает, что девочку, которая идет одна, всюду подстерегает опасность. Она ищет мужчину, которого описал Манчи-джи.

И видит его. Вот он. Сидит на корточках под баньяном, лицом к ней. Ее зять.

У него густые, жирные, иссиня-черные волосы. От нижней губы к подбородку змеится выпуклый шрам. Мужчина уже немолод, но еще и не стар. Рубашка в пятнах карри, дхоти в пыли.

Тут она замечает, что на корточках перед ним сидит женщина, одной рукой поддерживая под локоть другую, которая висит, как неживая. Голова женщины прикрыта паллу. Женщина что-то шепчет мужчине. Наверное, зять снова женился, думает Радха.

Она подбирает с земли камешек, бросает в мужчину, но камешек летит мимо. Со второй попытки попадает мужчине в бедро, но он лишь отмахивается, точно от насекомого. Он внимательно слушает, что говорит женщина. Радха снова и снова швыряет в него камешки, иногда попадает в цель. Наконец он оборачивается.

Радха выходит на опушку, чтобы он ее увидел.

Он округляет глаза, точно увидел призрака, и спрашивает:

— Лакшми?

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

